

РУЗАН САРЬЯН

Кандидат филологических наук

Института искусств НАН РА

ruzsar@mail.ru

ORCID iD: 0009-0007-9730-6362

DOI: 10.54503/978-5-8080-1587-6-111

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В ВОСПРИЯТИИ МИРА У АВЕТИКА ИСААКЯНА И МАРТИРОСА САРЬЯНА

Ключевые слова: Исаакян, Сарьян, космизм, мир, сказка, солнце, Сфинкс, Вселенная, гармония.

Аннотация

В статье впервые рассматриваются общие мировоззренческие и эстетические основы творчества поэта Аветика Исаакяна и художника Мартироса Сарьяна — двух выдающихся представителей армянской культуры рубежа XIX–XX веков. Автор исследует глубинное созвучие их художественного мышления, во многом основанного на космизме — философской системе, утверждающей гармонию человека, природы и Вселенной.

На основе поэзии произведений Исаакяна и Сарьяна прослеживается удивительное сходство их мировосприятия, где реальное и метафизическое, земное и небесное, национальное и универсальное слиты в целостную картину бытия.

Показано, что Сарьян и Исаакян независимо друг от друга пришли к близким философским обобщениям: человек в их творчестве осознаётся частью космической целостности, а его духовное предназначение — в созидании, постижении и воспевании красоты мира. Иллюстрации Сарьяна к поэме Исаакяна «Абул Ала Маари» рассматриваются как высшая точка их духовного и эстетического созвучия.

В заключении подчёркивается, что в мировоззрении обоих мастеров Солнце, Земля, Человек и Вселенная образуют гармоническое единство, где всё одушевлено созидательной энергией. Их космизм — не отв-

лечённая философская система, а живая форма духовного видения, выражаяющая идеал красоты, добра и вечного обновления жизни.

ՌՈՒԶԱՆ ՍԱՐՅԱՆ

Բանասիրական գիրությունների թեկնածու

«ՀԱՅ արվեստի ինստիտուտ

ruzsar@mail.ru

ORCID iD: 0009-0007-9730-6362

ԱՎԵՏԻՔ ԻՍԱՀԱԿՅԱՆԻ ԵՎ ՄԱՐՏԻՐՈՍ ՍԱՐՅԱՆԻ ԱՇԽԱՐՀԵԸՆԿԱԼՈՒՄՆԵՐԻ ԸՆԴՀԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Բանալի բառեր - հսահակյան, Սարյան, կոսմիզմ, աշխարհ, հեքիաթ, արև, սֆինքս, տիեզերք, ներդաշնակություն:

Ամփոփում

Հոդվածում առաջին անգամ դիտարկվում են XIX-XX դարերի սահմանագծի հայ մշակույթի երկու ականավոր ներկայացուցիչների՝ բանաստեղծ Ավետիք հսահակյանի և նկարիչ Մարտիրոս Սարյանի ստեղծագործության ընդհանուր աշխարհայացքային և գեղագիտական հիմքերը: Հեղինակն ուսումնասիրում է նրանց արվեստի մտածողության խորքային համահնչությունը, որի կարևոր բաղադրիչներից է կոսմիզմը՝ փիլիսոփայական մի համակարգ, որը հաստատում է մարդու, բնության և տիեզերքի ներդաշնակ միասնությունը:

Հսահակյանի և Սարյանի ստեղծագործությունների հիման վրա բացահայտվում է նրանց աշխարհընկալման զարմանալի ընդհանրությունը, որում իրականն ու մետաֆիզիկականը, երկրայինն ու երկնայինը, ազգայինն ու համամարդկայինը միաձույլ կերպով համախմբվում են գոյության ամբողջական պատկերի մեջ:

Ցույց է տրվում, որ Սարյանը և հսահակյանը, անկախ միմյանցից, շատ հարցերում հանգել են միանման փիլիսոփայական ընդհանրացումների. մարդը նրանց արվեստում ընկալվում է որպես տիեզերական ամբողջության մի մաս, իսկ նրա հոգևոր կոչումը՝ աշխարհի գեղեցկության արարումը, ճանաչումն ու գովերգումը: Հսահակյանի «Աբու-Լալա Մահա-

ոի» պոեմի համար Սարյանի նկարազարդումները դիտվում են որպես նրանց հոգևոր և ստեղծագործական ներդաշնակության բարձրակետ:

Եզրակացության մեջ ընդգծվում է, որ երկու վարպետների աշխարհայացքում Արևը, Երկիրը, Մարդը և Տիեզերքը կազմում են մի ներդաշնակ միասնություն, որտեղ ամեն ինչ լեցուն է ստեղծարար էներգիայով: Նրանց կոսմիզմը վերացական փիլիսոփայական համակարգ չէ, այլ՝ հոգևոր աշխարհայեցողության կենտրոնի ձև, որն արտահայտում է գեղեցկության, բարության և կյանքի մշտական նորացման իդեալը:

RUZAN SARYAN

PhD in Philology

Institute of Arts NAS RA

ruzsar@mail.ru

ORCID iD: 0009-0007-9730-6362

THE SIMILARITIES IN AVETIK ISAHAKYAN'S AND MARTIROOS SARYAN'S PERCEPTION OF THE WORLD

Key words: Sarian, Isahakyan, universe, nature, fairy tale, life, dream, sphinx, sun, cosmism

Abstract

The article is the first to examine the common worldview and aesthetic foundations of the creative work of poet Avetik Isahakyan and painter Martiros Sarian — two outstanding representatives of Armenian culture at the turn of the 19th and 20th centuries. The author reveals the profound consonance of their artistic thinking, based on cosmism — a philosophical system affirming the harmony of human beings, nature, and the universe.

Through the analysis of Isahakyan's poetry and Saryan's paintings, the study traces the unity of their perception of the world, in which the real and the metaphysical, the earthly and the celestial, the national and the universal merge into an integral vision of being.

It is shown that Sarian and Isahakyan, independently of each other, arrived at similar philosophical generalizations: in their art, the human being is perceived as part of the cosmic whole, and his spiritual vocation lies in

creation, comprehension, and the glorification of the world's beauty. Sarian's illustrations to Isahakyan's poem *Abu-Lala Mahari* are considered the pinnacle of their spiritual and aesthetic harmony.

In conclusion, it is emphasized that in the worldview of both masters, the Sun, the Earth, the Human, and the Universe form a harmonious unity, where everything is imbued with creative energy. Their cosmism is not an abstract philosophical system but a living form of spiritual vision expressing the ideal of beauty, goodness, and the eternal renewal of life.

Введение

На рубеже XIX–XX веков армянская культура вступила в переломную эпоху — время глубоких духовных исканий и художественного обновления. Именно тогда национальное искусство, сохраняя верность тысячелетним традициям, обрело новые формы выражения, вбирая в себя импульсы мировой эстетической мысли.

В центре этого духовного возрождения стоят такие гении армянской культуры как **поэт Аветик Исаакян (1875–1957)** и **художник Мартирос Сарьян (1880–1972)**. Их творчество, принадлежащее к разным видам искусства, поражает глубинным созвучием мировосприятия. В их произведениях земное и космическое, национальное и универсальное, реальность и мечта сплетаются в гармоничное целое, создавая образ мира как живого, одухотворённого организма.

Обоих мастеров объединяет **космизм** — философское и эстетическое чувство всеединства человека, природы и Вселенной. Через поэзию и живопись они стремились выразить идею всеобщей гармонии, утверждая духовное родство человека с космосом и вечными ритмами бытия.

Многие их произведения демонстрируют удивительное созвучие мировосприятия, глубоко укорененного в национальной почве и одновременно устремленного к универсальным духовным ценностям.

Задача настоящего исследования — выявить общие эстетические и мировоззренческие принципы, определяющие духовное родство поэта и художника.

Космизм, как основа мировосприятия Исаакяна и Сарьян

Детство Исаакяна прошло – на берегу реки Ахурян (Арпачай), в селе Казарапат, где у отца была мельница. Здесь, он осознал величие природы и полюбил ее всей душой, здесь в нем родился поэт. «Мое сердце с природой, с туманом космоса, оно живет с далекими звездами, любит их любовью, болит их болью» - писал Исаакян в “Гишатакаране” (Исаакян, 1977. 110). Это признание раскрывает внутреннюю суть Исаакяна — человека, ощущающего неразрывную связь с мирозданием, видящего в каждом природном явлении отражение духовных законов бытия

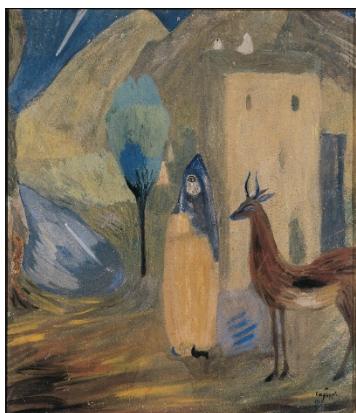
Не менее поэтичны воспоминания Мартироса Сарьяна о детских годах, проведённых в степях Приазовья. Он с любовью описывает ночное небо, звёзды, и дыхание земли. Будучи наблюдательным и любознательным ребенком, Сарьян подолгу всматривался в небо, разглядывал звезды. Иногда ему доводилось наблюдать за падающими звездами и загадывать желания: “Отец по ночам ходил сторожить баштан, и однажды я упросил его взять меня с собой... Мы, разостлав на земле одежду, улеглись... Я, лежа на спине, долго смотрел на небо, с которого то и дело отрывались и падали звезды. В такой необычной для меня обстановке я долго не мог сомкнуть глаз... Луна скользила вниз, к горизонту, все увеличиваясь и окрашиваясь в золото. Небо темнело, звезды сверкали ярче. Тихие теплые степные ночи под величественным небосводом представляли собой изумительное зрелище”, — вспоминал художник в книге “Из моей жизни” (Сарьян, 1985. 20-21). В этих строках чувствуется то первозданное изумление перед миром, которое станет источником всего его творчества. Уже в детстве Сарьян видел Вселенную не снаружи, а изнутри — как живую ткань, в которую вплетён человек.

Читая строки удивительной прозы художника, понимаешь, откуда в его творчестве возникали изображения людей, сидящих на плоской крыше жилищ и всматривающихся в ночное небо в ожидании увидеть что-то мистическое, чудесное.

Эскиз фронтисписа сборника
“Армянские сказки”, 1929 г.

Местонахождение не известно.

М. Сарьян, Комета, 1907.
Собрание семьи Сарьян, Ереван

Созвучие мировосприятия поэта и художника передаёт стихотворение Исаакяна:

Сверкают звезды ярче и нежней,
Безмолвную пустыню обнимая,
Глубоких тайн полна, в душе моей
Пустыня ширится немая.

Здесь величаво тишина звенит
И тонет мысль в безмерности
молчанья, И душу жжет и крылья мне
дарит
Тот звездный взгляд, как прорицанье.¹

С ранних лет и будущий поэт, и будущий художник жили в тесном соприкосновении с природой, наблюдая её циклы и бесконечное ее многообразие. Эти впечатления детства стали фундаментом их художественного мировоззрения, в котором земное и небесное, реальное и метафизическое неразрывно переплелись. От первых наблюдений за луной и звёздами Исаакян и Сарьян в своих произведениях пришли к созданию философской концепции мира, где человек осознаёт себя частью космической целостности.

¹ Перевод Н. Павлович

Произведение Сарьяна 1907 года “Комета” просто завораживает и удивляет. При отсутствии источника света, вся картина освещена лунным сиянием. С непостижимой космической высоты по ночному небу вниз стремительно движется комета, ее хвост отражается в сине-голубой глади озера. За происходящим в медитативном спокойствии наблюдает мыслящий человек – венец природы. Именно он создан природой-богом, дабы его глазами увидеть, оценить и воспеть весь сотворенный им грандиозный мир. Спустя десятилетия умудренный жизнью художник воскликнет: “Так много открылось передо мной. Так много прекрасного, мудрого, непостижимого в самой природе. Мир обрушился на меня, на маленькую точку моего Я, обладающего всем миром”². Удивительным образом эта мысль гениально оформлена в четверостишии Аветика Исаакяна:

Всей беспредельной тяжестью пространства
Вселенная в космической глухи
По странному закону постоянства
Висит на волоске моей души.³

В “Комете”, как и в произведениях Сарьяна “Поэт” и “У моря. Сфинкс”, изображен человек-цикlop, наделенный всевидящим оком. Это образ пророка, поэта, философа-мудреца, пытающегося силой разума постичь тайны мироздания. С образом поэта-философа художник отождествлял самого себя. Т.е. человек творческий, в данном случае поэт, является тем единственным разумным существом, которое способно воспринять и приблизиться к разгадке вселенской сказки, воспеть красоту окружающего мира в искусстве. Сарьян объединил серию своих акварельных и темперных работ 1903-1908 годов под общим названием “Сказки и сны”. И опять мы находим параллели между мировосприятием Сарьяна и Аветика Исаакяна, который в своей грандиозной поэме “Абул Ала Маари” выразил аналогичную

² Из неопубликованного письма М. Сарьяна Александру и Татьяне Каменским от 22 ноября, 1958 г.

³ Перевод М. Дудина

мысль: “Вселенная – сказка, жизнь – некий сон”. В этой же поэме Исаакян, как и Сарьян, наделяет поэта особой миссией:

Вся вселенная – сказка, полная чар, где нет конца и начала где – нет.

Кто же сплел эту сказку, роскошный рассказ, спел с ней вместе созвездья, бесконечность чудес?

… Возникают народы, уходят во мглу, но никто разгадать смысла сказки не мог.

Лишь поэты порой, что-то в ней угадав, бессмертный напев оставляют в залог.⁴

Излишне говорить о том, что в те годы, когда Сарьян создавал свои “Сказки и сны”, а Исаакян свою поэму “Абул Ала Маари” они не были знакомы с творчеством друг друга. Тем более интересны и удивительны схожесть мировоззренческих умозаключений художника и поэта.

Метафизический образ Сфинкса занимал важное место в мировосприятии как Мартироса Сарьяна, так и Аветика Исаакяна. Этот древний символ, воплощающий тайну бытия, вечный вопрос о начале и конце мира, о времени и вечности, глубоко волновал обоих мастеров. Для них Сфинкс был не просто мифологическим существом, а образом Вселенной — великой загадки, требующей ответа от человека. В живописи Сарьяна и поэзии Исаакяна этот символ приобретает философское звучание: он соединяет космос и человека, материальное и духовное, земное и бесконечное. Через Сфинкса художник и поэт пытались постичь первооснову существования, выразить идею вечного обновления и взаимосвязи всего живого во Вселенной...

Если для Аветика Исаакяна Сфинкс — это прежде всего символ космоса как вечно непостижимой тайны, воплощение самого бытия, задающего человеку вечные вопросы о жизни и смерти, то для Мартироса Сарьяна это символ одухотворенной природы — непостижимой и таинственной. В поэзии Исаакяна Сфинкс суров и величественен, он — вопрошание вселенной к человеку, требующее духовно-

⁴ Перевод В. Брюсова

го ответа, а у Сарьяна человек, стоящий на берегу моря с протянутой к Сфинксу рукой, сам вопрошаает его о чем-то. Исаакян пишет:

Вселенная — великий, безбрежный Сфинкс,
Без начала, вне времени,
И вечно бессмертный.
Он задаёт вопросы каждому человеку
О своём происхождении и сущности,
О жизни и смерти...
И если ты не ответишь ему,
Он безжалостно поглотит тебя,
Подобно свирепому тигру.⁵

М. Сарьян, У моря. Сфинкс, 1908. Дом-музей М. Сарьяна

живое существо. Картина представляет собой могучий пейзаж. Горные вершины, беря начало в небе, ступенчато ниспадают, принимая облик женщины, рожденной землей... Все цветовые плоскости и мазки в картине даны в такой последовательности и с такими модуляциями звучания, чтобы, как сказал бы Аветик, они могли породить в зрителе яркие, трепетные впечатления" (Сарьян, 1985. 77-75)

Удивительно, что в творчестве Сарьяна изображение тигра в первый и единственный раз возникает в картине “У моря. Сфинкс”, рядом с фигурантой Сфинкса.

Описывая свою картину “Газель”, которая, по всей видимости, предвосхищала очень схожую с ней работу “У моря. Сфинкс”, Сарьяна писал: “Я задумал символически представить природу как единое

⁵ Полстрочный перевод Р.С.

Упоминание Сарьяном имени Исаакяна в этом контексте является ярким свидетельством того, какие темы, касающиеся искусства и его воздействия на зрителя обсуждались между ними.

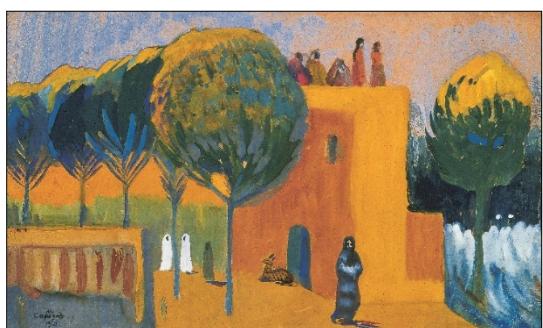
Таким образом, Сфинкс становится для обоих мастеров символом метафизического поиска, духовного созерцания и стремления приблизиться к постижению тайн вселенной. В их творчестве этот образ объединяет философию Востока и гуманистическое мировосприятие Армении, где человек — не пленник тайны, а её соучастник, не побеждённый безмолвием вечности, а собеседник Вселенной.

Посетивший в Египте памятник Сфинкса, Сарьян писал: “Невозможно поставить себя на место египтянина, который жил во время создания Сфинкса. Одно твердо известно: сфинкс существует на земном шаре и на протяжении многих веков не мигая, пристально смотрит на восходящее солнце” (Сарьян, 1985. 112)

Любить солнце – значит любить мир

Не будет преувеличением утверждать, что и Исаакян, и Сарьян были солнцепоклонниками – это еще одна общая грань между их мировосприятиями.

Восторг Сарьяна перед вселенной и особенно перед дневным светилом, ощущается в каждом его мазке, в его многочисленных пейзажах. Именно в солнечном свете преображается мир, становится ярче, красочнее и люди издревле поклонялись Солнцу как источнику жизни на Земле.

М. Сарьян, Чары солнца, 1905 г.

Сарьян писал: “Больше всего на свете я люблю солнце. Любить солнце – значит любить мир, любить землю и всё то, что есть на ней. Мы связанны с солнцем, оно веками увлекает нас за собой. Куда? Неизвест-

но. Приходят новые поколения, а солнце всегда остаётся в человеке, в каждом из нас”⁶.

В своей первой фовистической картине “Чары солнца”, созданной в 1905 году, Сарьян смело выражает свой восторг перед солнцем, преображающим мир яркими, насыщенными красками. Его лучами освещены земля, верхушки деревьев, стены дома, на плоской крыше которого стоят и сидят люди. Их лица обращены к огненному светилу. Простой, незамысловатый сюжет развивается на фоне контрастных цветовых плоскостей, упрощены фигуры людей и доведены до силуэтных форм, краски яркие, чистые, несмешанные, изображение плоскостное, двухмерное. Знаменательно, что такое произведение Сарьяном было создано в 1905 году, в тот же год, когда в Париже состоялась первая выставка фовистов во главе с Анри Матиссом. И понятно, что Сарьян не мог быть знаком с фовизмом, с произведениями Матисса, Брака, Вламинка, Дерена, Марке и других. В России они стали известны позже, благодаря замечательной коллекции Щукина. Интересно и то, что реакция многих в том числе и критиков искусства на работы Сарьяна в России была схожа с той, что была в отношении фовистов во Франции. Его называли “дикарем”, “папуасом”. Исаакян одним из первых выразил мысль о том, что “Сарьян – художник национального колорита. Корни его искусства уходят в глубь нашего древнего искусства. Но когда чужие восторгаются искусством другого народа, понимают, ценят и любят его, то оно становится общечеловеческим, достоянием всех” (Исаакян, 1977. 117). То же можно сказать и о поэзии самого Исаакяна, которого переводили самые известные поэты его времени, а композиторы, вдохновляясь его поэзией, перекладывали его стихи в музыкальные произведения.

Однако, мы несколько отвлеклись от темы.

Свое поклонение солнцу Аветик Исаакян блестяще выразил в finale своей фантастической поэмы “Абул Ала Маари”. Это поистине непревзойденный гимн Солнцу.

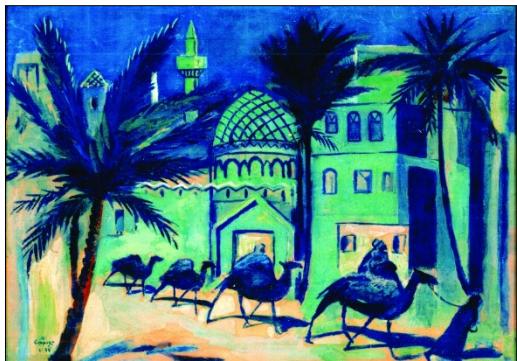
Не удивительно, что именно Сарьян, взялся иллюстрировать поэтический шедевр своего большого друга – Аветика Исаакяна, ибо

⁶ Из записной книжки М. Сарьяна, хранящейся в архиве семьи Сарьян.

никто из армянских художников кроме него не мог с такой глубиной и пониманием постичь суть и эстетику этого произведения. Сарьян пережил яркие впечатления во время своих путешествий в Египет и Персию, когда ему приходилось пересекать пустыню на верблюдах, видеть проходящие мимо караваны. И спустя годы он вспоминал: "... Моим утешением и удовольствием было зрелище мерно шагающих верблюжьих караванов, так чудесно и талантливо воспетых |Аветиком Исаакяном... Иногда я просыпался, различая в тумане силуэты шагающих верблюдов ... Растворялся туман, прояснялось небо, и вместе с этим рассеивались сказка и фантастичность окружающего. И снова шагали верблюды, груженные тяжелой поклажей, но всегда подняв высоко к солнцу свои гордые головы" (Сарьян, 1985. 162-163).

Иллюстрируя поэму Абу-Лала Маари Сарьян гармонично вживался в созданные Исаакяном описания пустыни и каравана верблюдов, потому что видел все это своими глазами и был автором такого живописного шедевра, как "Финиковая пальма". Образ поэта-мыслителя, ищущего спасения от несовершенства мира людей в огненном светиле – Солнце, находило живой отклик и в душе художника.

Однако время, когда должна была увидеть свет поэма "Абул Ала Маари", иллюстрированная Сарьяном, было не самым подходящим. В 1936 году, накануне сталинских репрессий, такая развенчивающая несовершенные законы человеческого общества поэма не могла быть напечатана. Уже готовую и иллюстрированную Сарьяном книгу, отправленную в печать, запретили. Можно предположить, что Сарьян создал по одной иллюстрации для семи сур (глав) и отдельно для финала поэмы. В общей сложности их должно было быть восемь. Но до нас дошли только пять из них, три из которых хранятся в Доме-музее М. Сарьяна, а две – в московской частной коллекции. Возможно, что 3 иллюстрации утрачены, но и те, что сохранились, свидетельствуют о том, с каким вдохновением художник работал над ними. В первой иллюстрации ему удалось передать исход Абул Алы Маари со своим караваном из дремлющего в изумрудном сиянии луны Багдада.

М. Сарьян, иллюстрация к поэме А. Исаакян

“Абул Алла Маари”, 1935 г.

Частное собрание, Москва.

щегося в глубоком погружении в себя на привале перед скалистыми вратами Великой аравийской пустыни,

Во второй – художник передал ритм шагающих верблюдов, огибающих ряды высоких пальм, я в третьей он изобразил разыгравшуюся в пустыне суровую бурю,озвученную внутреннему состоянию поэта-бунтаря, убегающего от презренного им общества людей; в четвертой – можно видеть поэта-мудреца, находя-

М. Сарьян, иллюстрации к поэме А. Исаакян “Абул Ала Маари, 1953 г. Дом-музей М. Сарьяна

И, наконец, в пятой – бегство Абул Ала Маари в пустыню с рас-
простертymi к Солнцу руками и восхвалением велико светила.

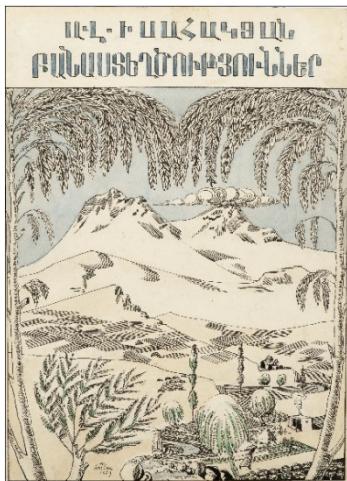

М. Сарьян, Иллюстрация к поэме А. Исаакяна “Абул Ала Маари”,
1935 г. Частное собрание, Москва.

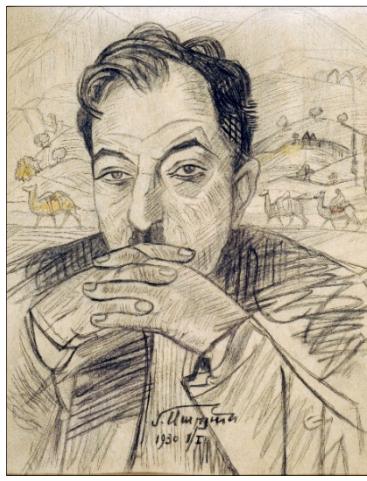
Салам тебе, Солнце! шукюр без конца! материнское
лоно, бессмертная мать.

Только ты есть добро, милосердно лишь ты, лишь
тебе вся любовь! Свят, свят, свят, благодать.⁷

Сарьян не только иллюстрировал шедевр Исаакяна “Абул Ала Маари”, но создал также эскиз обложки его сборника поэзии, изданного Арменгизом в 1930 году. Художник настолько хорошо знал и чувствовал поэзию своего друга-поэта, что ему в этом эскизе удалось создать своеобразную квинтэссенцию самых узнаваемых мотивов поэзии Исаакяна. Это мастерски воспетая им гора Арагац, плачущие ивы, обрамляющие с двух сторон всю композицию, и, конечно, мотив стихотворения, “Был бы на Аразе у меня баштан …”.

М. Сарьян, Эскиз обложки сборника А.
Исаакяна М. Сарьян, Портрет А. Исаакяна

“Сихотвorenia”, 1929 г. Дом-музей М.
Сарьяна для сборника “Сихотвorenia”,
1930 г.
Дом-музей А. Исаакяна

Был бы на Аразе у меня баштан –
Посадил бы иву, розы, мак,
Под тенистой ивой сплел бы я шалаш,

⁷ Перевод В. Брюсова

В шалаше бы вечно пламенел очаг.

Чтоб сидела рядом милая Шушан,
Чтобы нам друг друга у огня ласкать!
Кабы на Аразе завести баштан,
Для Шушан лилейной отдыха не знаты!⁸

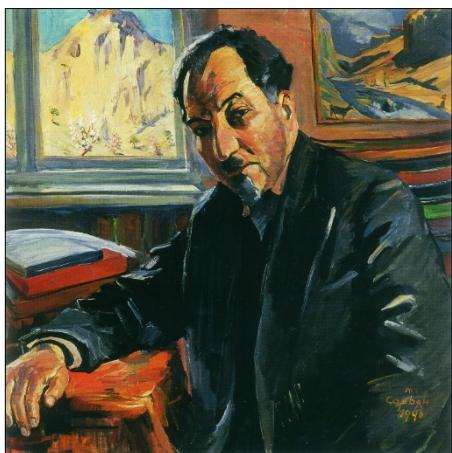
Для этого же издания Сарьян также создал графический портрет Исаакяна. На заднем плане портрета Сарьян изобразил караван верблюдов, подчеркнув тем самым, что образ поэта прежде всего ассоциируется с бессмертной поэмой “Абул Ала Маари”. Он занимает особое место в солидной галерее портретов Исаакяна.

В 1940 году Сарьян создал один из самых выразительных портретов Исаакяна, в котором посредством света, цвета и формы ему

удалось передать глубоко-психологический образ поэта, мыслителя, в чертах которого отразилась вековая мудрость и дух армянского народа. Этот портрет, выполненный благородства и сосредоточенности, раскрывает душу мыслителя и мечтателя, человека, чья поэзия устремлена к бесконечности и космической тайне.

Даже вне прямых перекличек с поэзией Исаакяна, многие произведения Сарьяна звучат как её визуальные парафразы. Их объединяет одна

ведущая тема — **любовь к Родине**, к её земле, к её солнцу, к её душе.

М. Сарьян, Портрет поэта Аветика Исаакяна, 1940 г. Национальная галерея Армении.

⁸Перевод А. Блока

И для поэта, и для художника Армения — не только родная страна, но и **символ мироздания**, часть вселенской гармонии.

Заключение

И для Сарьяна, и для Исаакяна человек не отделён от природы и космоса. Их мировоззренческие взгляды объединяет общая вера во всеобщую гармонию, в вечную красоту мира, в созидательный свет Солнца. Оба они созерцают Вселенную не только глазами художника или поэта, но и глазами философа, ищущего смысл человеческого бытия в космическом порядке.

В заключение можно утверждать, что космизм Сарьяна проявляется не только в светозарных пейзажах медитативного характера, но и в его философском восприятии мира.

Этот же космизм, пронизанный нравственным и духовным стремлением к совершенству, проходит через всю поэзию Аветика Исаакяна.

И у одного, и у другого Солнце, Земля, Человек и Вселенная образуют неразделимое единство, в котором всё одухотворено единой созидающей энергией.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Исаакян А.** *Гишатакаран*, Ереван, Изд-во «Советакан грох», 1977, 472 с.
2. **Исаакян А.**, *Избранное*, Ереван, Изд-во «Варпет», 2006, 488 с.
3. **Исаакян А.**, *Полное собрание сочинений. Стихотворения*, Том I, Ереван, Изд-во «Гитутюн», 2003, 848 с.
4. **Исаакян А.**, *Об искусстве*, Ереван, Изд-во «АН Армянской ССР», 1977, 198 с.
5. **Сарьян М.**, *Из моей жизни*, Москва. Изд-во «Изобразительное искусство», 1985, 304 с.

REFERENCES

1. **Isahakyan, A.** *Gishatakan* [The Memorial], Yerevan, « Sovetakan Grokh» Publishing House, 1977, 472 p.
2. **Isahakyan, A.** *Selected Works*, Yerevan: «Varpet» Publishing House, 2006, 488 p.
3. **Isahakyan, A.** *Complete Works. Poems*, Vol. I, Yerevan: «Gitutyun» Publishing House, 2003, 848 p.
4. **Isahakyan, A.** *On Art*, Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR.
5. **Sarian, M.** *From My Life*, Moscow: «Izobrazitelnoe Iskusstvo» Publishing House, 1985, 304 p.